

Кровь тянулась извилистой полосой, и остановить её багровый поток было невозможно. Этот жуткий след на жёлтом песке казался угасающим пламенем чужой жизни, готовый вот-вот оборваться...

— Эй...

— М-м?... Хех, ты что-то хотел сказать?..

— Держись.

— А?

— Я говорю, чего бы это ни стоило... держись!

— Кха... ладно...

— Ты...

— Что?

— Не смей...

— Чего не сметь?

—...

— Ха-ха... Ну же, приятель, что ты... пытаешься сказать?

Вдруг Цицзе резко схватил его за изодранный ворот и яростно рявкнул:

— Я говорю, не смей подыхать так просто!

Ситу Кун прищурился, длинные ресницы затенили синеву его зрачков. Он дышал на ладан, но всё ещё умудрялся ухмыляться.

— Я слышу... — прохрипел он со своей обычной ленивой усмешкой. — Вот только... твои слова... звучат не слишком-то дружелюбно...

— Тц! — Цицзе злобно стиснул зубы. Злость душила его, безумно хотелось швырнуть этого

невыносимого человека на землю и бросить здесь, но руки упрямо держали раненого. — Я повторяю... — вырвался из его горла глухой, яростный хрип. — Ты не сдохнешь. Слышишь? Только не так просто... Не бывает этому...

— Ну а раз так... — Внезапно Цицзе ощутил у своей шеи горячее, прерывистое дыхание. Ситу Кун подался вперёд, и казалось, ещё миллиметр — и их губы соприкоснутся. — Что ты готов... предложить взамен... чтобы удержать меня на этом свете?

Раздался глухой удар, а следом — короткий вскрик.

Из рта Ситу Куна хлынула кровь, заливая подбородок, очерченные ключицы и крепкую грудь. Только тогда Цицзе понял, какую глупость совершил в порыве раздражения.

Этот двусмысленный, издевательский тон взбесил Шангуань Цицзе. Не выдержав, он разжал руки и бесцеремонно швырнул раненого на землю. Лишённое сил тело Ситу Куна тяжело рухнуло на острые камни, и несчастный тут же зашёлся в кровавом кашле.

Цицзе замер. Ему и в голову не приходило, что этот невыносимый человек может быть настолько уязвимым и беспомощным. Глядя на стекающую по его лицу кровь, Цицзе хотел бы, как обычно, съязвить по поводу его вечного легкомыслия и бурной жизни праздного повесы, но вместо этого почувствовал невольную жалость.

Сейчас Ситу Кун выглядел по-настоящему жалко.

Ситу Кун лежал неподвижно — он потерял сознание. Цицзе долго смотрел на его затихшее тело. Какая-то детская жажда мщения удерживала его на месте; он просто стоял и глядел сверху вниз, упрямо не желая помогать истекающему кровью человеку.

Возможно, он считал, что никакие страдания Ситу Куна не смогут искупить ту боль, которую тот когда-то причинил другим.

К счастью, именно в этот момент из-за холма вылетел угнанный военный джип, за рулём которого сидел лейтенант Хэ. Опоздай он хоть на пару минут, и Ситу Кун испустил бы дух прямо на глазах у Цицзе.

— В багажнике есть аптечка! Попробуй остановить кровотечение, иначе он до утра не дотянет! — крикнул лейтенант Хэ, помогая затащить раненого на заднее сиденье.

Бросив медицинский чемоданчик на колени Цицзе, лейтенант быстро запрыгнул за руль.

Хэ требовал, чтобы он перевязал культю — обрубок руки, которую Ситу Кун потерял, спасая его. Цицзе и сам был весь в порезах и ушибах, но почему-то послушно открыл защёлки аптечки. Зачем он это делал? Зачем спасал его?

Вокруг расстилалась бескрайняя, выжженная солнцем степь. Колёса джипа подминали под себя сухую траву, оставляя за собой глубокие пыльные колеи. Лейтенант Хэ вёл машину осторожно, стараясь избегать резких толчков. Натужный рёв мотора больно бил по барабанным перепонкам; голова Цицзе раскалывалась — то ли от шума, то ли от пережитого напряжения.

Оказывать первую помощь Цицзе умел отлично. Он слишком часто оказывался на волосок от смерти, латал себя сам в полевых условиях, и выживание стало его главным ремеслом. Когда-то его многому научил Цзюньвэнь Исюань. Но те времена ушли безвозвратно, и наставника больше не было рядом.

Как ни старался лейтенант, внедорожник то и дело подбрасывало на ухабах. Ситу Кун, привалившись к стеклу, слабо покачивался в такт движению. Вид изуродованного плеча вызывал содрогание. Когда на месте привычного человеческого тела зияет пустота, это зрелище подсознательно пугает любого. Но Цицзе повидал на своём веку слишком много оторванных конечностей, чтобы испытывать брезгливость.

В походных условиях о тщательной дезинфекции не шло и речи. Цицзе наложил тугую повязку прямо поверх разорванной плоти. Ситу Кун даже не поморщился. Его бледное лицо, покрытое копотью и дорожной пылью, казалось высеченным из камня, но даже сквозь эту грязь проступали благородные, резкие черты.

Цицзе замер, всматриваясь в раненого.

Он медленно протянул руку, заколебался, но затем осторожно коснулся шеи Ситу Куна. Откинув влажные от пота пряди у затылка, прямо под мочкой уха, он замер. На бледной коже у края челюсти темнело яркое алое пятнышко в форме цветка сакуры. Оно выглядело неестественно, почти зловеще, словно проступившая изнутри капля крови. Метка находилась в таком месте, что её легко скрывали волосы. Посторонний никогда бы её не заметил. Возможно, даже сам Ситу Кун не знал о её существовании, принимая за обычное родимое пятно.

Но было ли это родимым пятном? Слишком правильная форма, слишком ровный, насыщенный цвет. Больше похоже на... татуировку. Но зачем делать тату в таком месте?

Шангуань Цицзе затаил дыхание, кончиками пальцев очерчивая контуры алого цветка. Он словно замороженный не мог оторвать взгляд от этой странной метки.

Татуировка... Зачем кому-то наносить рисунок под самым ухом?

Веки раненого дрогнули, ресницы затрепетали, но увлечённый своими мыслями Цицзе ничего не заметил. Он продолжал рассматривать кожу Ситу Куна, даже когда тот открыл глаза.

— И зачем... так пристально меня разглядывать? — едва слышно, но с неизменной лукавой усмешкой спросил Ситу Кун.

Цицзе вздрогнул и торопливо отдернул руку, поймав себя на том, что неприлично засмотрелся.

— Низачем, — буркнул он, отводя глаза.

Ситу Кун повёл головой, всматриваясь в смущённое лицо юноши, и, кажется, обо всём догадался. Он слабо улыбнулся и прикрыл ладонью затылок.

— Ты лишь третий, кто её видит, — тихо произнёс он.

В его голосе прозвучали непривычно мягкие, почти интимные нотки. Цицзе с трудом верил своим ушам. Ещё удивительнее было видеть, как в глубине глаз этого обычно циничного и самовлюблённого человека промелькнула тень искренней грусти.

Цицзе не удержался от вопроса:

— Зачем делать татуировку... прямо здесь?

Договорить он не решился — Ситу Кун посмотрел на него настолько пронзительно и серьёзно, что любое дальнейшее любопытство показалось бы неуместным.

— Действительно хочешь знать? — спросил Ситу Кун, словно напрочь позабыв о жуткой ране.

Цицзе мотнул головой:

— Нет. Мне нет дела до твоих секретов.

Он понял по его взгляду: эту тайну Ситу Кун не доверит ни одной живой душе.

Ситу Кун попытался приподняться и сесть поудобнее, но тут же застонал, судорожно схватившись уцелевшей рукой за перевязанное плечо. Зубы его со скрипом сжались. Он изо всех сил старался сохранить лицо, но бледность и выступивший на лбу холодный пот выдавали невыносимую муку.

Как-никак, он только что лишился руки.

— Куда... мы едем? — переведя дыхание, спросил он.

Он прислонился к стеклу и посмотрел на темнеющие холмы за окном с поразительным, почти пугающим хладнокровием.

В такие минуты Цицзе не мог не восхищаться его железной выдержкой.

Юноша взглянул на лейтенанта Хэ. Тот, не отрываясь от дороги, сделал неопределённый жест рукой.

Стемнело. Тусклая салонная лампочка выхватывала из полумрака их грязные лица, пропитанную кровью одежду и разбросанные бинты. Закончив перевязку, Цицзе пересел на противоположное сиденье и поудобнее перехватил винтовку.

— В Крепость Бога Войны, — ответил он.

— В Крепость... Бога Войны? — переспросил Ситу Кун.

— Там есть госпиталь с хорошим оборудованием, да и укрытие надёжное, — подал голос лейтенант Хэ. — В город возвращаться нельзя, так что залатаем вас в крепости. А пока, господин Ситу, извольте подчиняться моим приказам.

Как только лейтенант умолк, Цицзе требовательно спросил:

— Кто на тебя напал? Зачем они пытались тебя похитить?

Ситу Кун слегка склонил голову набок, с любопытством разглядывая хмурого юношу.

— С чего вдруг... такие вопросы?

Цицзе глубоко вздохнул:

— Это не просто банда головорезов. Они действовали слишком слаженно, профессионально. — На лице молодого пилота отразилась несвойственная его возрасту суровая сосредоточенность. — Очень похоже на... почерк регулярной армии. наших коллег.

— Военные? — Ситу Кун приподнял бровь с таким видом, словно его это ничуть не заботило.

Наплевательский тон раненого вывел Цицзе из себя. Даже зная, что Ситу Кун едва держится, он не удержался от мысли, что этот напыщенный индюк получил по заслугам. Таким эгоистам вообще не место среди живых. Цицзе ожёг его яростным взглядом:

— Прекрати паясничать! Ты прекрасно понимаешь, о чём я!

Ситу Кун лишь слабо усмехнулся. Надо же, этот мальчишка умудряется рычать даже на полуживого инвалида. Настоящий дикий пёс — только дай волю, сразу вцепится в глотку.

Мысленно посмеиваясь над его горячностью, Ситу Кун прикрыл глаза и умолк, собираясь с силами.

— Знаю лишь одно, — наконец заговорил он. — Убивать меня никто не собирался. — Он снова открыл глаза, и в его взгляде, вопреки тяжёлому состоянию, вспыхнул прежний надменный огонёк. Ему действительно было наплевать на опасность. Он был твёрдо уверен: врагам просто не под силу забрать его жизнь. — Иначе я бы давно кормил червей.

«Надо же, — подумал Цицзе, — он хотя бы не питает иллюзий, что попадёт в рай».

— Тц, — Цицзе раздражённо отвернулся.

Приходилось признать: в словесных баталиях ему с этим мерзавцем не тягаться. Родись Ситу Кун политиком, его язык стал бы оружием массового поражения. У Цицзе же против этой демагогии не нашлось ни единого весомого аргумента.

Цицзе угрюмо уставился в окно на проплывающую мимо черноту ночной степи. Лейтенант Хэ действительно мастерски управлял машиной. Несмотря на нулевую видимость, он уверенно обходил глубокие рвы и крупные камни. Бортовые приборы военного джипа работали исправно, так что сбиться с пути они не боялись.

Хотя, признаться, доверять руль лейтенанту, который в обычной жизни умудрялся заблудиться в трёх соснах, было чистым безумием.

Поняв, что от юноши ничего не добиться, заговорил сам Хэ:

— Господин Ситу, если мы хотим вас защитить, нам нужно знать, с кем мы имеем дело. Пожалуйста, проявите благоразумие. — Он цепко держал руль обеими руками, контролируя каждое движение тяжёлого внедорожника. Взглянув в зеркало заднего вида, лейтенант добавил: — Крепость Бога Войны сейчас кажется безопасной гаванью, но где гарантия, что к нашему приезду она уже не будет захвачена противником?

Ситу Кун тихо, хрипло рассмеялся. Этот звук, вылетев из открытого окна, растаял в безмолвии ночной степи. Сквозь полумрак салона его глубокий, загадочный взгляд упёрся в Цицзе. Почувствовав это, юноша нехотя повернулся к нему.

— Думаете, их интересует сама крепость? — с усмешкой протянул Ситу Кун. — Нет. Это место для них — лишь удобный предлог...

— Что ты имеешь в виду? — удивился Цицзе. Лейтенант Хэ тоже на секунду оглянулся на пассажира.

— Главная гордость Крепости Бога Войны — «Непобедимый». Ядерный супертанк, на

модернизацию которого когда-то ушли миллиарды... — негромко произнёс Ситу Кун.

Услышав это, Хэ Сию потрясённо воскликнул:

— Эта «спящая богиня» — военная тайна высшего уровня! Вы гражданский, откуда у вас такие сведения?!

Ситу Кун лишь хмыкнул:

— Модернизацию этого монстра полностью оплатила моя семья. Проект создания этого оружия утверждал мой отец — нынешний Владыка Города Сияющей Ночи. Было бы странно, если бы я этого не знал.

История эта в своё время наделала много шума. Когда финансирование проекта одобрили, общественность буквально взорвалась от негодования. Даже Восточное военное ведомство пыталось протестовать против столь расточительных трат на оружие массового поражения. Ирония заключалась в том, что все разработки и технологии находились как раз в руках того самого Восточного ведомства. О том, какие тёмные дела творились за кулисами этой сделки, знали лишь двое: Гайя Лейн и сам Владыка Города Сияющей Ночи. Лейтенант Хэ далеко не сразу связал изнеженного Ситу Куна с этими грязными государственными тайнами. Но если подумать, наследник престола просто обязан был владеть подобной информацией.

— Значит, их цель — танк? — осторожно спросил лейтенант.

— Ошибаешься, — покачал головой Ситу Кун. — Они пришли не только за «Непобедимым».

— Не только за ним? — Хэ Сию нахмурился.

Цицзе опередил лейтенанта с вопросом:

— Что же им ещё нужно?

Ситу Кун пристально посмотрел на Цицзе, словно пытаясь разглядеть что-то в самой глубине его души. Наконец он заговорил чуть тише:

— Это лишь моё предположение. Перед отъездом я получил письмо с угрозами. Автор требовал... — Он выдержал многозначительную паузу, заставив спутников затаить дыхание. Взгляд его по-прежнему был прикован к юноше. — Чтобы я пригласил тебя поехать со мной на скоростном поезде до Города Сияющей Ночи. И отдельно указал, что мы обязаны сойти на промежуточной станции.

Шангуань Цицзе ошеломлённо замер. Внутри у него всё похолодело от ярости, дыхание

перехватило. Он уставился на Ситу Куна, но тот оставался безучастным и спокойным, а в его глазах читалась едва заметная, высокомерная насмешка над растерянностью юноши.

«Это была ловушка!»

— Значит, ты позвал меня с собой только из-за этого письма? И билеты на турнир дал ради этого?.. — Голос Цицзе дрожал от едва сдерживаемого гнева. Он снова почувствовал себя жалкой пешкой, которую сильные мира сего двигают по доске по своему усмотрению.

К горлу подкатил горький ком. Ещё пару часов назад он испытывал к этому человеку что-то похожее на признательность, а теперь это теплое чувство испарилось без следа, оставив лишь злость на собственную глупость и доверчивость.

— Я рассчитывал использовать тебя как приманку, чтобы вытащить их на свет, — спокойно продолжил Ситу Кун. — План сработал, вот только эти ублюдки оказались куда профессиональнее, чем я думал...

— Ах ты тварь! — забыв про ранения Ситу Куна, Цицзе рванул его за воротник на себя. Силы в руках юноши было столько, что он едва не вышвырнул мерзавца в открытое окно. — Ты просто использовал меня!

Ситу Кун лишь тихо, вымученно рассмеялся. Его взгляд оставался нечитаемым, глубоким и пугающе спокойным.

— Зато... я сполна заплатил за свою ошибку, — он горько усмехнулся.

«Рука! Он лишился руки! Но так ему и надо, ублюдку!»

— Чего ты добиваешься?! — прорычал Цицзе.

Да, чего этот человек хотел на самом деле? О чём думал? Было ли в этом мире хоть что-то, что его по-настоящему заботило? Мыслей в голове Цицзе было слишком много. Вопросы теснились в уме, но он понимал, что никогда не дожждётся честных ответов. Как можно жертвовать собственной рукой ради чужого человека и называть это обычной «платой»? Как у него поворачивается язык говорить об этом так обыденно?

— У нас один враг. Почему бы нам не объединить усилия? Не обязательно называть это «использованием», — вкрадчиво произнёс Ситу Кун.

Глядя на эту лисью, хитрую физиономию, Цицзе почувствовал себя круглым дураком. Он метался от глупой благодарности к бессильной ярости, выглядя в глазах этого манипулятора дешёвым паяцем.

Но в следующий миг выражение лица Ситу Куна резко изменилось. Взгляд его потеплел, заискрился мягким, золотистым светом. Подавшись вперёд, он прошептал прямо на ухо юноше:

— И всё же... спасибо, что закрыл меня от пуль. Я искренне хочу, чтобы ты остался со мной.

«Остался со мной»... Кажется, в эти слова он вкладывал совсем не тот смысл, что обычные люди.

— Отвали! — Цицзе грубо оттолкнул его обратно на сиденье. На душе было скверно и беспокойно. — Будешь темнить — я лично позабочусь, чтобы ты лишился и второй руки!

Ситу Кун на мгновение опешил, а затем тихо покачал головой с кроткой усмешкой.

Лейтенант Хэ тяжело вздохнул и, сверившись с навигатором, хмыкнул:

— Потише, парень, не кипятись. Все эти высокопоставленные болтуны твердят о своей исключительной правоте. В конце концов, они платят нам жалованье, а значит, защищать их «правду» — наш прямой воинский долг. Не так ли, господин Ситу?

Тот лишь неопределённо повёл плечом, оставив шпильку военного без ответа.

Цицзе глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Глядя на этого израненного, грязного, но всё ещё высокомерного наследника Сияющей Ночи, юноша мысленно дал себе зарок: держаться от него как можно дальше. Нельзя больше верить его речам, нельзя позволять этому опасному манипулятору играть своими чувствами.

Нельзя снова наступать на те же грабли.

— Ситу Кун, — Цицзе впервые назвал его по имени без всяких формальностей. На его губах заиграла холодная усмешка. — У тебя целая армия слуг, готовых умереть по первому щелчку пальцев. Одним больше, одним меньше — какая тебе разница?

Лейтенант Хэ заинтересованно покосился в зеркало заднего вида.

Ситу Кун скользнул взглядом по затылку водителя, затем снова посмотрел на юношу. Лицо его озарила странная, многозначительная улыбка.

— Они — это не ты.

«Не я? И чем же я так отличаюсь от остальных в твоих глазах?»

— Хм, — Цицзе демонстративно отвернулся к окну. — Ты не тот человек, ради которого я стану рисковать шкурой. Уж извини.

С переднего сиденья донеслось ехидное хмыканье лейтенанта.

Но Ситу Куна эта отповедь нисколько не задела. Его надменное спокойствие оставалось непоколебимым, словно никакие слова в мире не могли пошатнуть его веру в себя.

Он лишь слегка прищурился и вновь привычно, притягательно и самоуверенно улыбнулся.

— А я и не собираюсь сдаваться.

Ситу Кун не стал напоминать, что лишился руки ради его спасения. Не упомянул и о том, как сам Цицзе без раздумий закрыл его от пуль. Их судьбы уже переплелись в тугой узел, но этот невыносимый человек предпочёл оборвать все невидимые нити обязательств одной-единственной короткой фразой.

Каким человеком был этот Ситу Кун? Цицзе не понимал его раньше, не понимал теперь и вряд ли поймёт когда-либо в будущем. Эта загадка, скорее всего, навсегда останется без разгадки.

Но понимал ли сам Ситу Кун, с кем имеет дело на самом деле?

<http://bllate.org/book/18305/1760621>